

ОМОН ПОЛИЦЕЙСКИЙ
СПЕЦНАЗ

Илья Рясной

БАНДИТЫ И ПСИХИ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р99

Иллюстрация на обложке *М. Н. Костенко*

Рясной, Илья Владимирович.

Р99 Бандиты и психи / Илья Рясной. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (ОМОН. Невероятные истории, рассказанные ветераном спецназа).

ISBN 978-5-04-205032-9

«Наружка» сообщает по радию, что от гостиницы «Спорт», в которой состоялась сходка «авторитетов», со свистом ушел «ВАЗ-2106».

Бандитская тачка проскакивает все светофоры, не обращая внимания на запрещающие сигналы. Выдает выражи. Но это ей не помогает. «Жигуль» нагоняют оперативные машины. Спецназовская «шестерка» подрезает ей нос.

Это тоже искусство. Как сделать коробочку — то есть перекрыть преследуемую тачку спереди и сзади оперативными машинами. Как подобраться к салону, под каким углом, чтобы тебя заметили в последнюю очередь и не открыли огонь. Как извлечь дергающееся и сопротивляющееся тело из салона, порой закрытого на все замки... Об этих и многих других профессиональных секретех ОМОН — в этой книге.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рясной И.В., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-205032-9

ГЛАВА 1

На границе света и тьмы

Начало 2000-х. Москва, Житная, 16, четвертый этаж, где приютилось руководство МВД. Я терпеливо жду отданных на подпись бумаг в приемной замминистра Бобровского, куратора криминального блока.

Тут обычно толчется самый разный народ. Это и замученные тяжелым бюрократическим трудом сотрудники оперативных Главков, сжимающие папки, в которых ждут высочайшей подписи всякие важные, или совсем неважные, документы. И смущенные, напряженные от близости к вершинам московской власти представители регионов, прибывшие за наградой или за выволочкой. Встречаются всякие посторонние личности, начиная с известных артистов и заканчивая неизвестными, но влиятельными коммерсантами.

Сидящая напротив меня парочка была непосредственна, расслабленна и говорлива. Мне сперва подумалось, что они из беспокойного и всепроникающего

племени новых русских. Такие все приземленно-кряжистые, крепкие, мордатые, кровь с молоком. И разговоры все о том, какой у них шикарный новый джип и как они лихо сегодня объехали на нем все пробки.

А потом присмотрелся. Добротные дорогие костюмы и галстуки сидели на них как-то неорганично, впрочем, как и на большинстве новых русаков. Только костюм на среднестатистическом барыге хочется заменить на какой-нибудь лапсердак или кафтан, а то и на косоворотку. А этим ребятам так и просится на могучие плечи камуфляж. Это же их рабочая одежда! Спецназовцы? Похоже на то.

Парочка тут же подтвердила мои выводы. Их разговор перешел в мемуарную плоскость. Они вспоминали общих знакомых и бывшие горячие дела. Бросились обсуждать какого-то сотрудника. Тот, кто покрупнее телосложением, сделал неутешительный вывод:

— Нет, дела настоящего он не знает. Это разве работа — издалека пулять по цели. Врага нужно встречать лицом к лицу. И брать за горло. Вот это работа.

— Это факт, — кивает его напарник.

Дальше здоровяк пускается в воспоминания о местах и лицах, хорошо им известных, но о которых не грех рассказать и в сотый раз:

— Заходим мы в тот домик. А там эти, террористы хреновы, расслабляются. Даже глаза продрать не успели. Попытались что-то изобразить. Я одному ногой по шее — готов. Другому прикладом в лоб — хорошо получилось. Окончательно. Вот это работа. Лицом к лицу.

Потом их вызвал замминистра. И я услышал доносящиеся из кабинета радостные приветствия,

обнимания с похлопываниями по плечам. Видимо, ребята пришли не за тумачами от начальства, а за плюшками и пряниками. Ну что же, заработали они все свои плюшки честно. Хрясь — прикладом, бах — ногой. И двумя террористами стало на земле меньше. И теперь те не отнимут чьи-то жизни. Спецназовцы отлично выполнили свою работу.

Полицейский спецназ. Всю свою службу в МВД мне было как-то спокойнее, что есть «тяжелые», как их называют в оперском народе, на которых всегда можно положиться. Люди, чья судьба — это война без конца и без края. Долг которых сломать врага, взять живым, а то и уничтожить. А если надо, то самому лечь на амбразуру. Есть те, кто посвятил себя странной жизни на границе между светом и тенью, где они выступают защитниками, а порой и карающим мечом, и судьей.

Что такое жизнь на этой самой границе добра и зла? Это вообще трудно описать в обычных повседневных категориях. Доводилось и мне по службе входить в квартиры, где тебя могли встретить выстрелом в грудь. И «паковать» бандосов на улицах, рискуя получить ножом в живот. Ощущения непередаваемые. Все твое существо вытягивается в натянутую тонкую струну, протянувшуюся между нашим вещественным миром и Вечностью. И порвать эту струну может одно лишь малейшее движение пальца на спусковом крючке. Но ты шагаешь вперед, потому что так надо. Потому что ты на это заточен.

А потом, когда все закончено, приходишь в себя, не давая разгуляться воображению в его любимом

стиле «а вот если бы...» Нет никаких «если бы», есть только сейчас.

Впрочем, такой экстрим у обычного опера бывает не так часто. А для полицейского спецназовца он становится смыслом и содержанием всей жизни. «Спецы» всей душой пребывают в пространстве насилия, боли, побед и поражений. В пространстве войны. Это их самоотречение. Их вечный нескончаемый подвиг.

Я не намерен расписывать историю полицейского спецназа, какие-то вехи развития, геройские образы героических бойцов. Это просто мои личные воспоминания о моментах, когда вместе с этими людьми приходилось вторгаться в пространство вечной войны за закон и справедливость. То самое пространство, где и наша жизнь, и страна, и процессы, происходящие в ней, видны четко, ясно и сжато — как в магическом кристалле.

При этом не ставлю цель приукрасить что-то, сгладить углы. Пишу то, что осталось островками в океане моей памяти. И что явилось иллюстрацией лихолетья, в которое опустилась наша страна, и того тернистого пути, по которому нам приходится сейчас выходить из него...

ГЛАВА 2

От ОМОНа до спецназа

Я подошел к крыльцу желтого двухэтажного особняка в одном из Колобовских переулков, ветвящихся рядом с Петровкой. Тут же ко мне подлете-

ли молодые, подтянутые ребята со специфической уверенностью в движениях, голосе и в поведении.

— А вы к кому? — подозрительно спросил один из них, меряя глазами меня и привычно оценивая, свой ли я, чужой или просто мимо прохожу.

Я продемонстрировал удостоверение МВД и общил:

— К командиру. Назначено.

Больше десяти лет не был здесь. Внешне тут мало что изменилось. Тот же особняк. И ребята тоже очень похожие. Только помоложе. Первый состав был более возрастной и матерый.

С муровским спецназом я столкнулся — страшно даже представить — в 1979 году! Сколько уже поколений прошло! Сколько эпох сменилось. И я все жив, здоров и, как и тогда, полон надежд. И спецназ московских правоохранителей жив до сих пор, хотя сильно трансформировался.

Я был школьником. Появились тогда и вошли в моду, особенно у подрастающего поколения, всякие каратистские фильмы типа «Пиратов XX века». И все пацаны мечтали стать заправскими каратистами, наводить справедливость, чистя морды всем недоброжелателям и прочим гадам. Поскольку секции по карате я не нашел, коллега отца по МВД предложил:

— А потренируйся-ка с ОМОНОм.

Так я и попал на прием к одному из руководителей только что созданного подразделения. Помню отлично его типично самбистскую, кряжистую фигуру. И значок «заслуженного мастера спорта» — это большая величина в мире спорта, обычно их зарабатывали чемпионы минимум масштаба Союза.

Впрочем, тогда в ОМОН других и не брали. В основном костяк состоял из самбистов с похожими мастерскими значками.

ОМОН ГУВД Мосгорисполкома был создан к знаменитой Олимпиаде 1980 года. Прогнозировалось, что это грандиозное мероприятие прилично встряхнет спокойную и размеренную советскую жизнь, в том числе и в криминальном плане. Съедутся люди со всего мира. Среди них могут пожаловать и крайне редкие для СССР «звери», террористы, для которых любая Олимпиада — хороший повод отличиться. Не будет спать и отечественный криминальный элемент, встревоженный притягательным шелестом валюты. А ударить в грязь лицом нельзя — на кону репутация Советского Союза как самой спокойной в отношении правопорядка страны. Нужно быть готовым ко всему. Подстраховаться. Вот тогда и вспомнили о практике зарубежных стран, в большинстве из которых имелся полицейский спецназ, заточенный на борьбу с вооруженными преступниками и террористами. Так был создан ОМОН.

Чего в России всегда было в достатке — уникального человеческого ресурса. Ученых, мыслителей, инженеров, спортсменов. Было из кого выбирать под решение любых задач в любых сферах. В том числе и в сфере спецназа. Вот и подобрали в ОМОН самых лучших, сильных и отчаянных.

На Олимпиаде, к счастью для ОМОНа, работы по задержаниям и ликвидации не нашлось. Оно и неудивительно. Я с тех самых пор не видел Москву такой тихой, чистой, сытой, спокойной. Все магазины были завалены деликатесами, притом

и импортными, ранее не виданными, типа нарезов колбасы в вакуумных упаковках и пирамидок с соломинками — это такие были импортные соки. Из столицы нещадно выдавили за сто первый километр всех алкашей, дебоширов и криминальный элемент. И милиции нагнали столько, что вдоль моего дома прогуливались аж два патруля. Прошло все без эксцессов.

Олимпиада канула в Лету, а ОМОН остался. При этом его перевели в оперативное подчинение МУРа. И это было правильное решение. Скучать в последующие годы бойцам не пришлось. Были и задержания вооруженных преступников. И освобождение в 1981 году взятого в заложники ребенка. И нейтрализация угонщиков при попытке угона самолета в Шереметьево. И во всех случаях отрабатывали на пять баллов.

Появился и тяжелый счет. Правда, пока только раненые при исполнении. Но все же.

Между тем страна начинала уверенное движение в пропасть, в криминальный кошмар. Ушли старые лидеры страны. На их место пришел молодой да ранний перестройщик. Свобода, гласность, демократия и кооперативы со всеми прелестями массового перевода безналичных денег в нал. Вообще, будь Горбачев шпионом-диверсантом, он бы такого не наворотил — побоялся бы засыпаться. А по дури чего только не сотворишь.

Будто шлюзы открылись. Ранее загнанный в узкие ниши преступный элемент не только хлынул во все уголки нашей жизни, как прорыв канализации, но и стал консолидироваться в банды. А потом

вооружаться. И вот настало время спецназа. Время горячей войны.

Резко пустели полки магазинов. Исчезали еда и промтовары под бессмысленную трескотню про «новое мышление, углубление и перестроение». Росла нездоровая гиперактивность населения, которое будто сам черт толкал на митинги под лозунгами типа «Партия, дай порулить!». То там, то здесь вспыхивали массовые беспорядки, в том числе криминального характера. Уже и незазорным виделось для всякой шантрапы и гопников разнести отделение милиции на Арбате.

Наверху наконец поняли, что в нынешних условиях разнузданности и накатывающей анархии для выживания власти необходим стальной милицейский кулак. Притом достаточно многочисленный. И в конце восьмидесятых был создан так называемый «большой ОМОН», в том примерно виде, в котором мы знаем его до сих пор. Он входил в систему охраны общественного порядка, был ближе к патрульной службе. И заточен в основном на борьбу с демонстрантами и массовыми буйствами.

Но и от старого «малого ОМОНа» отказываться никто не собирался. Потому как тот был нацелен на самые опасные проявления криминала, и вся подготовка была именно такая — зайти на бандитскую малину, ликвидировать преступника, освободить заложника. Отточены необходимые навыки у «спецов» были до филигранности. В этих смертельных играх одно неотработанное движение может стоить жизни боевым товарищам или заложникам. Поэтому «спецы» тренировались, не жалея себя. А потом, так же не

жалая себя, шли в бой с криминалом. Так что старый отряд оставили, переименовав его в ОМСН — отряд милиции специального назначения...

В том ветхозаветном олимпийском году со спортивными занятиями в ОМОНе я быстро завязал — школа заканчивалась, впереди поступление в институт, ни на что не хватало времени. И вот теперь, более чем через десять лет, в 1992 году, снова поднимаюсь по этим ступенькам.

Двор перед зданием заполнен легковыми оперативными машинами. Номера на них в целях конспирации меняются как перчатки. Тут же застыл желтый автобус пазик — можно сказать, надежная боевая машина спецназа. Страшно представить, сколько драм и коллизий видели его глаза-фары.

Прохожу в тесный кабинет командира. Докладываюсь — мол, так и так, спецкорреспондент журнала «Милиция», буду писать очерк о вашей героической деятельности.

Тот пожимает плечами, интересуясь: мол, рассказать или показать? Я согласен и на то, и на другое. Договорились, что буду ежедневно в поте лица скучать с дежурной сменой, ну и заодно выезжать с ней, пока не надоест. Так и завис там больше чем на месяц.

— А что, оборону держите? — с легкой усмешкой спрашиваю я, кивая на прогуливающихся будто ненароком по двору «спецов». Мне показалось это перестраховкой — все же Москва не на осадном положении в ожидании немецких десантов.

Неожиданно резко и холодно командир произносит:

— Значит, для этого есть веские причины.

Уже потом узнал — причины и правда веские. На одном из последних сходняков московская братва на полном серьезе обсуждала вопрос объявления милицейскому спецназу, да и МУРу в целом, безжалостной войны на уничтожение.

Дело в том, что на проспекте Мира, прямо у Крестовского моста, во время операции спецназовцы ненароком пристрелили лидера одной из ОПГ.

Неудобно, конечно, получилось. Зажали бандитскую машину. В ней авторитетные братаны чинно терки терли о жизни и за баксы — кого напрячь, кого нагнуть, кому из коммерсов провокацию устроить. И тут нате вам, громовой глас:

— Милиция! Руки поднять! Выходим из машины!

И парни в камуфляже на мушке держат. Братве бы поостеречься, ан нет — взыграло ретивое: «Да кто вы такие?! Да я вас всех!»

Трудно стать авторитетом, не будучи психом. И трудно выжить, будучи психом, когда пошли по-настоящему серьезные игры.

В общем, потянулся браток за стволом сдуру. Спецназ на то и спецназ, что у него рефлексы отработаны как раз на такие случаи. Рука бойца не дрогнула. Бандит заработал предназначенную ему судьбой пулю и в лучших драматических традициях умер на руках у милиции, постанывая:

— Спасите. Кровью истекаю!

Истек. И как-то не жалко. Потому как братва в ту пору была просто инфернальным врагом всего доброго и вечного.

«Менты братана ни за что замочили! Беспредельщики!» — прошел шелест по Москве. Находящаяся

тогда на пике безнаказанности и самолюбования, а также сильно оторвавшаяся от реальности московская братва собрала большой сход. Тщательно изучили материалы уголовного дела, возбужденного по факту перестрелки. Они его удачно сперли в прокуратуре. Хуже всего, что там были фамилии причастных к операции сотрудников. Хорошо еще без адресов — в графе «место жительства» по всем правилам числился Колобовский переулок и номер кабинета.

В порыве негодования решили бандюки подписаться на вендетту. Мол, сейчас строго в рамках кровной мести весь этот спецназ уложим. Не то чтобы консолидированно решили, но наиболее молодые, дерзкие и глупые в голос орали: «Всех положим, держите меня семеро!» А кто поумнее, опытнее и шустрее, напряженно продумывали пути отхода, переходящего в полезное для здоровья и жизни бегство.

Естественно, об этом сходняке оперативники МУРа узнали моментально. Не то чтобы это было очень серьезно. Все эти визги на сходняках с разрыванием тельника на груди и демонстрацией оскала с фиксами обычно так и остаются пустыми причитаниями и угрозами. Но все же ситуация была настояжнвающая. Да и давать бандитам уверовать в свою силу и безнаказанность нельзя — все это обернется большой кровью. Поэтому МУР слушок запустил среди братвы: сверху дан приказ всех авторитетных бандитов при задержании мочить. Мол, недолго либеральная музыка играла. Пора и честь знать.

Конечно, в разваливающемся «демократическом» ельцинском государстве, жрущем как сви-